

СОБИНОВ В КАЛУГЕ

Калужане старшего возраста хорошо помнят бывший клуб имени Андреева. Здесь танцевала знаменитая балерина Екатерина Васильевна Гельцер со своим партнером Тихомировым, выступали народная артистка Советского Союза Антонина Васильевна Нежданова, певцы Дамаев, Политковский, артисты Смирнов-Сокольский, Москвин, Ильинский, Свердлин, Марецкая, Алла Тарасова... Да всех и не перечести!

Здесь калужане слушали Леонида Витальевича Собинова. Его два концерта особенно памятливы мне. Это было в 1922 году. Родственник мой Владимир Николаевич Куканов работал в то время администратором клуба имени Андреева, и мы с двоюродным братом Дмитрием, тогда еще подростки-старшеклассники, имели возможность смотреть и слушать все лучшее, что показывалось на сцене клуба.

Леонид Витальевич вместе со своим секретарем и еще не-

сколькими артистами приехал зимой. В. Н. Куканов должен был встретить его и отвезти в гостиницу со странным названием «Кулон». Никаких автобусов, троллейбусов и такси тогда, конечно, и в помине не было, поэтому за гостями снарядили трое саней.

После усиленных просьб дядя согласился взять нас с собой до вокзала, но с условием, что обратно нам придется пробежаться пешком. Ну и что же! Зато увидим раньше всех знаменитого артиста, концерт которого мы давно ждали.

Поезд, не очень в те времена комфортабельный, шедший от Москвы до Калуги больше семи часов, поздно вечером прибыл к станции. Пассажиры высыпали на привокзальную площадь, где стояли извозчики. Нанимали их немногие. Большинство калужан, взвалив на плечи и спины мешки и прочую кладь, расходилось от вокзала пешком. Кое-кого домашние ветрчали с салазками.

Дядя Володя ушел в вокзал, а мы стояли около санок и жаждали увидеть Собинова. Наконец он вышел на вокзальное крыльцо вместе с Владимиром Николаевичем и актерами. Собинов остановился, слегка распахнул меховую шубу, с удовольствием вдыхая после душного вагона свежий зимний воздух. Он неторопливо оглядывал площадь, пассажиров, окраинные дома. Нас он не заметил. Да и мы в темноте не очень хорошо разглядели его. Увидели только, что он был не очень высокий и довольно полный. Все расселись в санки и поехали в гостиницу, а мы с Дмитрием побежали домой.

Сейчас прямая и широкая улица Ленина, бывшая Московская, застраивается большими пятиэтажными домами с прекрасными магазинами в нижних этажах. От вокзала каждые 3—5 минут отходят троллейбусы и автобусы. А тогда мы бежали по скользкой ухабистой дороге мимо маленьких, трехкоконных деревянных домиков, каких теперь там почти не осталось.

Каково же было наше удивление, да и радость, когда мы, придя домой, узнали, что Собинов остановился здесь. Оказывается, услышав, что всех со-

бираются везти в гостиницу, Леонид Витальевич поморщился и сказал: «Ох как неохота мне в этот «Кулон»! А нельзя ли найти здесь что-нибудь поуютнее? Не люблю на старости лет гостиницы!» (Собинову было в это время 50 лет). Владимир Николаевич предложил ему с секретарем две комнаты в своей квартире.

В день концерта клуб имени Андреева был переполнен. Встреча с прославленным артистом особенно взволновала. Когда его плотная, но все еще статная фигура во фраке в белом жилете в первый раз появилась на сцене, все встали и долго аплодировали. Леонид Витальевич был, видно, растроган. Он улыбался, кланялся. Наконец, сделав легкий жест, Леонид Витальевич запел. Это было ариозо Ленского из «Евгения Онегина» Чайковского.

Как он пел, трудно описать словами. Помню только, что все были заморожены. Он стоял, чуть приподняв голову, и серебристый голос его лился легко и свободно, как светлая струя родника. Казалось, что песня его возникает сама по себе, как-то стихийно, без труда артиста. Только позднее я узнала, сколько понсков, долгой и упорной работы скрывается за такой легкостью.

Пел он много, щедро. Каватину Берендея из «Снегурочки» Римского-Корсакова сменял романс Надира из «Искателю жемчуга» Бизе. После арии Лозенгрина Вагнера снова звучала наша русская музыка — каватина князя из «Русалки» Даргомыжского. Пел он и романсы — Глинки, Рахманинова, Кюя... Публика долго не

отпускала его со сцены.

После второго, прощального концерта за кулисы к Собинову хлынула толпа молодежи. У всех были листочки чистой бумаги и карандаши. Это мы просили Леонида Витальевича расписаться нам «на память». (Слова «автограф» мы тогда еще не знали). Леонид Витальевич безотказно расписывался, ласково вглядывался в лица девушек и юношей и все повторял: «Какая досада, что я не привез с собой фотографий! Я и не подумал, что встречу в Калуге такую милую и чуткую молодежь!»

Муж и жена Кукановы были очень горды, что у них остановился дорогой гость. После второго концерта они решили, как теперь говорят, «отметить» это событие и приготовили ужин. Стол по тем временам был накрыт «роскошно». На тарелках красовалась селедка, отварной картофель и душистое украинское сало. В центре стола посреди закусок стоял графин с красным вином.

Придя сюда из клуба, прямо

скажем, не очень жаркого, Леонид Витальевич с удовольствием оглядел стол, остановил взгляд на графинчике, улыбаясь, зябко потер руки и сказал: «Хорошо-шо!» Но... когда дядя Володя стал наливать вино, Леонид Витальевич поглядел на секретаря, со вздохом отодвинул свою рюмку и, зажмурившись, раздельно произнес: «Владимир Николаевич, дорогой, мне только чаю!» На удивленные ахи и охи хозяев он только развел руками: «Ничего не сделаешь! Артист не принадлежит себе». И покзал на горло: «Вот это надо душе глаза беречь».

За ужином Леонид Витальевич был очень весел. Он рассказывал о том, что где-то какие-то скептики говорили до концерта: «Ну, а что за голос у этого Собинова? Ничего особенного!» А после концерта они же горячее и дольше всех ему аплодировали.

Его долго потом вспоминали в семье Кукановых. Из Москвы он прислал им свой большой портрет с дарственной надписью: «Уважаемым Владимир Николаевичу и Екатерине Ивановне Кукановым от их гостя Леонида Витальевича Собинова».

М. КУЧЕРОВА